Конференция «День Победы как праздник и протест»

ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА УСКОВА[1]

✉ TANIJIOJA@GMAIL.COM

[1]Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Россия

Для цитирования статьи:
Ускова, Т. А. (2019). Конференция «День Победы как праздник и протест». *Фольклор и антропология города*, *II*(1–2), 436–445.

The conference "The Victory Day as a festival and as protest"

TATIANA A. USKOVA[1]

✉ TANIJIOJA@GMAIL.COM

[1]Moscow School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russia

To cite this article:
Uskova, T. (2019). The conference "The Victory Day as a festival and protest". *Urban Folklore & Anthropology*, *II*(1–2), 436–445. (In Russian).

Конференция «День Победы как праздник и протест» состоялась 6 мая 2018 года в медиалофте РАНХиГС на Пречистенке. Организованная исследовательской группой «Мониторинг актуального фольклора» (Лаборатория теоретической фольклористики, ШАГИ, РАНХиГС), конференция была посвящена анализу различных практик, связанных с празднованием 9 Мая, как в России, так и за ее пределами.

Объединяя историков, антропологов, социологов и культурологов, исследования памяти о Второй мировой войне сегодня служат полем разработки различных тем, связанных главным образом с существующей на постсоветском пространстве политикой памяти о войне. Воспоминания чаще всего рассматриваются как арена политической борьбы, так называемых «войн памяти», разворачивающихся между странами или социальными группами[1]. Например, в России современная культурная память[2] о войне функционирует и как средство легитимации политического режима[3], и как глорификация национального прошлого.

[1] См. напр.: Габович, М. (Ред.). (2005). *Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа*. М.: НЛО.

[2] Ассман, А. (2001). *Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика*. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле.

[3] Дубин, Б. (2008). Память, война, память о войне. Конструирование прошлого в социальной политике последних десятилетий. *Отечественные записки*, *43*(4). Режим доступа: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/reyting_09/material_sofiy/5023-boris-dubin-pamyat-vojna-pamyat-o-vojne-konstruirovanie-proshlogo-v-socialnoj-praktike-poslednix-desyatiletij.html.

В то же время, исследователи все чаще начинают обращаться к отображению травматического опыта: памяти о блокаде, мемориализации Холокоста на территории бывшего СССР, воспоминаний остарбайтеров, жителей оккупированных территорий и др. Подобные тенденции можно наблюдать и в публичном пространстве, где общественные организации, медиа и пр. начинают предлагать альтернативные официальной «версии» нарративов о войне[4]. Особенную роль в трансляции институционализированной памяти играют официальные торжества, медиа, памятники и т. п., зачастую выступая пространством борьбы за интерпретацию памяти о войне.

Важно отметить, что сравнительно немного сделано в исследованиях памяти о войне, реализуемой через внеинституциональные практики коммеморации. Одним из развивающихся направлений исследований становится анализ локальных производств и практик памяти. Например, Михаил Габович показывает разнообразие смыслов, которыми жители различных регионов наполняют институциональные мемориальные символы и пространства[5]. В этом же направлении работает группа «Мониторинга актуального фольклора», на протяжении 2015–2016 годов изучавшая вернакулярные практики празднования Дня Победы. Противопоставляя их институциональным практикам, исследователи группы представляют их как вернакулярную власть, вступающую в конкурентную борьбу с институциональными формами коммеморации[6].

Конференция «День Победы как праздник и протест» предприняла попытку соединить два существующих в исследованиях памяти тренда: с одной стороны, рассмотреть вернакулярные практики празднования, а с другой — сопоставить их с политикой памяти о войне, реализуемой на постсоветском пространстве.

Организаторы конференции предложили рассматривать память о Второй мировой войне как «моральную универсалию» — понятие Джеффри Александера[7], призванное описывать память, способную консолидировать вокруг себя общество. Такой фокус позволил представить День Победы как репрезентацию моральной универсалии. В то же время, основываясь на результатах полевых исследований, группа «Мониторинг актуального фольклора» выдвинула предположение, что сами практики празднования 9 Мая могут носить не только интегративный, но и дезинтегративный характер. Именно благодаря тому, что все стороны разделяют понимание памяти о Второй мировой войне

[4] См., напр., выставка «Postscriptum: Восточные рабочие в Третьем Рейхе» (Центр Гиляровского, Международный Мемориал): https://www.colta.ru/news/19077-vystavka-ob-ostarbayterah-otkroetsya-v-tsentre-gilyarovskogo; или статьи на Арзамас: Щербакова, И. Память о войне: пропагандистский миф против «окопной правды». *Arzamas Academy*. Режим доступа: https://arzamas.academy/materials/1551 и др.

[5] Габович, М. (2015). Памятник и праздник: этнография дня победы. *Неприкосновенный запас, 101*(3), 93–111. См. также др. статьи в секции «9 Мая: почти 70 лет спустя» в том же выпуске.

[6] Архипова, А., Доронин, Д., Кирзюк, А., Радченко, Д., Соколова, А., Титков, А., Югай, Е. (2017). Война как праздник, праздник как война: перформативная коммеморация Дня Победы. *Антропологический форум, 2017*(33), 84–122.

[7] Alexander, J. (2002). On the Social Construction of Moral Universals: The "Holocaust" from Mass Murder to Trauma Drama. *European Journal of Social Theory, 5*(1), 5–85.

как универсалии и участвуют в объединении вокруг нее, День Победы оказывается в пространстве конкуренции за право на «правильную интерпретацию».

Участникам конференции было предложено обсудить как многообразие существующих вокруг 9 Мая практик, так и методы и теоретические подходы, применимые к исследованию Дня Победы «как праздника и протеста». Задуманное изначально как междисциплинарный семинар, событие разрослось до масштаба насыщенной конференции, включившей в себя пять секций с более чем десятком докладов. Секции были тематически разделены на два блока: первые две были посвящены сравнению памяти о победе в городском и деревенском пространствах, а две другие включили в себя доклады, рассматривающие репрезентацию победы в государственной политике в России и за ее пределами. Отдельная секция была посвящена анализу популярной коммеморативной практики «Бессмертный полк» и специфике ее интерпретаций в локальных контекстах. Завершилась конференция выступлением кинокритика Антона Долина на тему современных фильмов о войне.

Секцию «Память о победе в городском пространстве» открыли участники группы «Мониторинг актуального фольклора» и организаторы конференции Александра Архипова, Анна Кирзюк и Ирина Козлова, выступившие с докладом «Война за войну, или Дюркгейм против Остина». Авторы проанализировали различие вкладываемых смыслов в празднование 9 Мая в городе N и рассмотрели две концепции проведения акции «Бессмертный полк», существующие в городе. Согласно Дюркгейму, интеграция общества происходит через ритуалы, во время которых члены общества совершают общие действия, ощущают общие эмоции и переживают себя как единое целое. Подобные ритуалы служат укреплению единства сообщества и позволяют участникам действия через так называемый «дюркгеймовский эффект» приобщиться к чему-то большему, чем они сами. Основываясь на материалах интервью с организаторами и участниками акции, Архипова, Кирзюк и Козлова предложили рассмотреть акцию «Бессмертный полк» как коллективный ритуал по Дюркгейму и продемонстрировали, что за кажущимся однообразием форм скрываются различные стратегии приобщения к коллективному экстатическому чувству.

В основе исследования участников группы «МАФ» лежал конфликт вокруг «Бессмертного полка» и способов интерпретации оригинальной акции, появившейся в Томске в 2014 году. Авторы представили анализ двух моделей, соперничающих друг с другом: модель «социального порядка» и «культа предков». В центре первой лежало желание продемонстрировать «социальный порядок», представить структуру города на площади: участники акции были построены в тематические колонны и несли унифицированные, выданные администрацией города портреты ветеранов. При этом для них не была принципиальна личная и семейная связь с погибшими, а все трагическое в праздновании 9 Мая исключалось. Эта модель не устраивала многих участников акции тем, что не позволяла нести портреты собственных родственников. Проблема была решена во второй модели, которую авторы исследования

представляют как модель «культа предков». В ней «Бессмертный полк» отделяется от общего парада, а мертвые становятся одними из главных героев праздника: акция разыгрывается как масштабный спектакль, как сцена ухода солдат на фронт. Согласно выводам Александры Архиповой и ее коллег, цель подобной конструкции — показать трагизм события; это не только реконструкция прошлого, но и воссоединение со своими умершими родственниками. Чувство единения, утверждают исследователи, в подобной модели достигается главным образом через единство с предками, идентификацию с ними и религиозное приобщение. Несмотря на принципиальное различие двух моделей, Архипова, Кирзюк и Козлова предполагают, что в основе обеих стратегий лежит общее чувство угрозы, ощущение жизни «в кольце врагов» и необходимость защитить память о предках и Победе от переписывания истории. Авторы показывают, что ощущение угрозы онтологическому статусу вынуждает участников акции выстраивать символическую защиту, в первом случае приобщаясь к единению группы через идеальный порядок, во втором — через эмоциональное вовлечение.

В ходе развернувшейся после доклада дискуссии было добавлено несколько уточнений. Дискуссант конференции, культуролог, преподаватель НИУ ВШЭ и Шанинки, Илья Кукулин поднял вопрос о поколенческой разнице моделей как возможном объяснении их различий. Мария Майофис, доцент Школы культурологии НИУ ВШЭ, отметила проблему разрыва с советскими предками, наблюдаемого в позднесоветской и постсоветской риторике, и элиминации этого разрыва в случае модели «культа предков». Докладчики предположили, что вероятной причиной преодоления этого разрыва становится специфика чувства угрозы, противопоставленной мирному времени.

Вторым докладом в секции стало выступление «Заметки горячей линии, или кто имеет право на память» магистрантки Пермского государственного национально-исследовательского университета Ольги Марасановой. В нем автор, участница и консультант штаба действующей в Перми акции «Бессмертный полк», поделилась своими наблюдениями. Как и другие участники конференции, автор отметила многообразие форм и смыслов, вкладываемых в проведение акции даже в пространстве одного города. Только в Перми существует не менее трех «полков», один из которых принципиально отделен от остальных, т. к. посвящен вкладу трудящихся завода, работавших на нем в военное время, в защиту страны. Марасанова отметила связанные с тематикой тыловиков конфликты, возникающие среди участников: некоторым из них казалось принципиально невозможным соседство тыловиков и фронтовиков в одном «полку». Во время дискуссии после доклада Ольги Марасановой прозвучало предположение о специфике Перми как тылового города, вероятно, объясняющей подобные конфликты. Автор закончила свой доклад выводом о том, что «Бессмертный полк» постепенно институционализируется, а сохранение семейной памяти поколений войны, лежавшее в основе оригинальной акции, размывается другими смыслами.

Завершило первую часть секции выступление дискуссанта Михаила Алексеевского, руководителя Центра городской антропологии КБ Стрелка. Отметив, что общей темой обоих докладов была акция «Бессмертный полк», Алексеевский сожалел о том, что тема памяти показалась ему нераскрытой. Исследователь солидаризировался со звучавшими во время дискуссии мнениями, что для анализа подобных процессов необходима концептуальная рамка поколенческого сдвига и демографической ситуации ухода поколения ветеранов, а значит, и перехода памяти в «другие руки». Алексеевский отметил нехватку сопоставления мифологизации поколения ветеранов, практик пропаганды (как советского, так и постсоветского времени) и «протестного» измерения «Бессмертного полка» как антитезы официальной пропаганде, выведения человеческой, частной памяти в пространство мифологизации.

Тема Дня Победы продолжилась в двух следующих докладах. Участница группы «Мониторинг актуального фольклора», антрополог Дарья Радченко выступила с докладом «"Бабы жарят крокодила": право на интерпретацию памятника». В докладе автор обратилась к конфликту, развернувшемуся вокруг памятника воинской славы в Сыктывкаре: его «народное» название «Бабы жарят крокодила» упомянуло интернет-издание «7х7», после чего развернулась общественная дискуссия на тему того, является ли это осквернением памятника Дня Победы. Дарья Радченко попыталась рассмотреть, в чем состояла причина конфликта, и предложила обратиться к вопросу, чья память реализована в памятниках и о чем эта память. В качестве теоретической рамки исследовательница использовала концепцию американского историка Джона Боднара и идеи Роберта Гленна Говарда, исследователя социологии религии в интернете. Согласно Боднару, память разделена на два типа: официальную память, представленную идеологией, органами власти и т. д., и вернакулярную память — «народные» памяти разнообразных групп, участвующих в отстаивании своих интересов. Именно в соперничестве между официальной и вернакулярными видами памяти, утверждает Боднар, возникает публичная память. К концепции Боднара Радченко добавила идею Говарда о том, что у вернакулярной традиции есть своя собственная власть и возможность отстаивать или создавать те или иные конструкции вокруг памятников.

Опираясь на предположение Говарда, Радченко рассмотрела конфликты, возникающие в интернете в связи с вернакулярными практиками вокруг тех или иных памятников, представив более широкую выборку, чем памятники о войне. Автор исследования продемонстрировала, что вернакулярная традиция и топонимика существует, а органы власти стремятся ее учитывать. При этом есть разные способы взаимодействия с памятниками, одни из которых являются приемлемыми, а другие нет. Радченко предположила, что степень приемлемости тех или иных вернакулярных практик связана как с представлениями о границах пространства вокруг памятника и его сакральности, так и с существованием иерархии памятников (наиболее сакральной «точкой» иерархии, по-видимому, являются памятники Великой Отечественной войне, включающие вечный огонь). При этом, отметила антрополог, вернакулярные

интервенции взаимодействуют со статусом памятника и могут влиять на него, а вернакулярное взаимодействие оказывается допустимо до тех пор, пока сохраняется изначальное «сообщение» памятника, его смысл.

В докладе «“Триумф” и “травма”: визуализация темы войны в художественных практиках современного города» томский историк Екатерина Кирсанова обратилась к феномену граффити, посвященных Дню Победы, и проанализировала работы на фестивалях «патриотических граффити» о войне, реализуемых в рамках программ патриотического воспитания и приуроченных к 9 Мая. Подробно рассмотрев разнообразие форм и практик, существующих среди райтеров (художников граффити), автор исследования сделала вывод о том, что тема памяти о войне в целом не является для граффити-сообщества актуальной, но ее поддерживают как дань общественной памяти. При этом именно санкционирование темы государством, утверждает Кирсанова, спровоцировало появление граффити о войне, позволяя вхождение в легальное пространство граффити и работая как прагматический стимул участия в фестивалях, которые призваны наладить контакт с молодежью и институционализировать практику. В то же время, появляющиеся вне фестивалей нелегальные работы уходят от формата поминовения и обращаются к тематике жертв и цены Победы.

Завершая секцию о памяти о Победе в городском пространстве, дискуссант Михаил Алексеевский затронул проблему концепции мест памяти Пьера Нора. Алексеевский отметил, что концепция Нора кажется ему устаревшей, т. к. она не позволяет задавать вопросы о том, чья память реализуется в памятнике, является ли она памятью какого-либо коллектива. Памятник же, по мнению Алексеевского, работает как инструмент действий групп «сакрально оскорбленных» и как место пересечения различных памятей.

Вторая секция включила в себя доклады о коммеморативных практиках, связанных с 9 Мая, в деревенском пространстве. Открыла секцию Елена Югай, выступившая с докладом «“Каску — в музей, а землю — в могилу”: память и ее материальный денотат». В своем выступлении исследовательница описала роль Дня Победы в сельских поминальных практиках. Основывая работу на теории коммуникации, Югай проанализировала материалы интервью и включенного наблюдения за поминальными практиками на сельских кладбищах. Согласно наблюдениям Югай, в деревенских практиках коммуникации с умершими считается, что умерший сохраняет не все черты своей личности и биографии; при этом служба в армии и участие в войне наряду с личными качествами являются теми характеристиками, которые «сохраняются» за покойными. Антрополог также отметила важность 9 Мая как праздника, приближенного к поминальным дням, во время которого коммуникация с мертвым возможна «лучше». Одним из центральных условий для поминальных практик в деревне является наличие тела покойника, в связи с чем коммуникация с умершими родственниками, чьи тела остались на месте боев, возможна в первую очередь посредством субститута тела — с использованием земли или фотографии. В связи с участием фотографии в поминальном ритуале, предположила исследовательница,

«Бессмертный полк» начинает восприниматься как коммеморативная практика и способ коммуникации с умершим. При этом, считает Югай, именно восприятие акции как поминальной практики может объяснить, почему в некоторых местах «Бессмертный полк» — это конфликт и сочетание семейной и локальной памятей, т. е. конфликт участия в полке собственных родственников или зависимость «выборки» ветеранов от их связи с местом и локальным сообществом.

Вторым докладом секции стало выступление пермских фольклористов Светланы Королевой и Оксаны Колеговой: «Часовенный праздник, мемориал-кенотаф, солдатский «помянник»: сельские ритуалы Дня Победы». В нем авторы доклада продемонстрировали результаты своей полевой работы в двух селах Коми-Пермяцкого автономного округа, назвав целью исследования фиксацию поминальной обрядности в связи с 9 Мая. Королева и Колегова описали многообразие форм, отметив, что в случае первого села (Архангельское) наблюдались семейные формы поминального праздника; в то время как во втором селе (Пелым) поминание происходило в пространстве установленного мемориала-кенотафа, и поминание оказалось связано напрямую с мемориальной плитой погибшим воинам. Авторы предположили, что в обоих случаях практики поминовения на 9 Мая складываются независимо от церковной традиции, и если в первом случае стимулом поминовения становится часовенный праздник, то в другом — установленный мемориал. В ходе дискуссии после доклада Королева также высказала предположение о причинах, почему подобные практики возникают — как вероятная компенсация недостатка форм коллективной деятельности в современных селах.

Последующие две секции обратились к проблематике Дня Победы в государственной политике — в России и в других постсоветских странах. Открывая блок докладов о России, участник группы «МАФ» социолог Алексей Титков выступил с докладом «День Победы в социологических опросах». Титков обратился к результатам опросов с целью выявления общероссийских тенденций, связанных с 9 Мая и его празднованием, предлагая тем самым макрорамку для антропологических и этнографических докладов, представленных в первом блоке конференции. Обращаясь к наиболее общим выводам, сделанным Титковым, можно сказать, что в течение 2010-х годов выросла значимость и популярность праздника; при этом недавно появившаяся акция «Бессмертный полк» является сегодня сверхпопулярной практикой. Анализируя результаты опросов более детально, исследователь принял рамку о двух разных прагматиках «социального порядка» и «культа предков», предложенных ранее Архиповой и ее коллегами. Согласно логике этих двух прагматик, Титков представил в практиках празднования две тенденции: государственный характер и народный, праздник победы или скорбь по погибшим, публичные торжества и семейные мероприятия, позитивные эмоции праздника и негативные — боли и скорби. В своем анализе автор наметил те треки, по которым День Победы и конфликты его интерпретаций можно анализировать в дальнейшем. Важным фактором сегодня, считает Титков, является сокращение численности ветеранов, которые зачастую являлись связующим звеном в представленных оппозициях, снова поднимая тему

уже отмеченных в ходе предшествующих дискуссий поколенческих сдвигов. Завершая свой доклад, исследователь вернулся к проблематике «Бессмертного полка», вынося предположение, что в связи с упомянутыми сдвигами осуществляется эффект перехода семейной памяти (и связанных с ними негативных эмоций, скорби и т. п.) в публичное поле, актуализируя современных участников акции как носителей памяти.

Дискуссия, последовавшая за докладом, развернулась вокруг границ применимости используемой методологии. Мария Майофис задала вопрос о том, насколько достаточно разработана вопросная база, не отражающая замеченных автором полярностей в существующих интерпретациях праздника. Илья Кукулин, в свою очередь, высказал сомнение в применимости социологических методов в работе с этой проблематикой и отметил, что при работе с ними необходимо учитывать антропологию социологических ответов. Помимо того, в ходе дискуссии был затронут вопрос об упомянутом выше ощущении угрозы, являющемся стимулом к участию в акции «Бессмертного полка»: один из участников конференции высказал предположение, что угроза является не только внешней, но и «внутренней», представляя собой угрозу потери семейной и личной памяти.

Доклад Екатерины Ходжаевой, научного сотрудника Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, «День Победы в патриотическом календаре России» представил обширный анализ программ патриотического воспитания. Автор доклада сравнила несколько программ, сменивших друг друга в течение 2000–2010-х годов, проследив их развитие и переход в образовательную сферу, где главным реципиентом программ является молодежь, а также подробно проследила распределение финансирования в одной из последних программ.

Мария Гаврилова выступила с работой «“Наследники ветеранов”: игра “Зарница” сегодня». В своем докладе автор сравнила специфику советской игры «Зарница» и ее современных форм, организуемых в образовательной и развлекательной сферах. Согласно Гавриловой, если советская версия игры являлась антагонистической и в то же время была практико-ориентированной, обучая детей, как вести себя в ситуации реальной войны, то современная «Зарница» является более состязательной формой, в которой символическое значительно перевешивает практическое значение. Более того, заявляет исследовательница, память о прошлой войне оказывается важнее, чем реальная подготовка к войне: именно память и перформативная коммеморация оказывается в центре игровых мероприятий, трансформируя современные формы «Зарницы» в фестивали национальной идентичности и коммеморации.

Блок исследований о месте Дня Победы в государственной политике других постсоветских стран открыло выступление Степана Стурейко, антрополога, изучающего культурное наследие, «Белорусский государственный праздник Победы: менеджмент и его результативность». Стурейко в своей работе продемонстрировал белорусскую специфику организации и проведения Дня Победы в Минске. Согласно докладу, День Победы в Минске режиссируется как государственное мероприятие,

которое при кажущемся повторении советских ритуалов осуществляет подмену и позволяет организаторам праздника вписать Вторую мировую войну в национальную историю Беларуси: так, наиболее ярким примером национализации праздника становится белорусская ленточка вместо георгиевской. Фокусируясь на официальных мероприятиях празднования, исследователь приходит к выводу, что практики личной и семейной коммеморации находятся в Минске на периферии.

Второй доклад секции «Право на описание 9 Мая по-молдавски: "победа", "поражение", "выбрать другой вариант"» представила Ирина Душакова. Основываясь на теории Эрнесто Лакло, Душакова представила сравнительный анализ двух противопоставленных друг другу молдавских изданий — «Русское слово» и «Literatura Si Arta», — пророссийского и антироссийского, работающего как площадка национально-освободительного движения. Если в первом случае, считает автор, 9 Мая является праздником Победы, при этом именно российских соотечественников, а также способом ассоциативного сближения с Россией, то для второго издания 9 Мая становится поводом для критики пророссийских позиций и размышлений на тему того, чьей являлась победа. Душакова предположила, что интерпретация 9 Мая позволяет изданию как осуществлять легитимацию собственного геополитического вектора, так и производить прогноз будущего страны и последующий вектор геополитических ожиданий. В ходе последовавшей за докладом дискуссии участниками конференции было сформировано замечание о полярности позиций, представленных Душаковой, а также поднят вопрос о существовании каких-либо промежуточных мнений.

Завершая секцию, выступил дискуссант Илья Кукулин. Он высказал предположение, что работа только с бинарными оппозициями, к которым тяготели, по его мнению, оба доклада, может являться недостаточно продуктивной. Обращаясь к работе Стурейко, Кукулин заметил отсутствие внимания автора к тому, на каких личных основаниях основывается участие в празднике, какими субъективными смыслами наделяется и праздник, и связанные с ним практики коммеморации. Помимо того, схематичный анализ праздника, утверждал Кукулин, не позволил рассмотреть, какие именно перекодировки используются для включения Дня Победы в национальную историю Беларуси. Комментируя доклад Душаковой, дискуссант отметил тонкость в приложении теории Лакло и Муфф к советскому контексту: согласно Кукулину, в советских условиях борьба происходила не столько за господствующие дискурсы, сколько за использование одних и тех же слов в противоположных значениях.

Завершающая секция конференции объединила доклады, рассматривающие, каким образом общероссийская акция «Бессмертный полк» реализуется в локальных контекстах. Доклад антрополога Дмитрия Доронина «Между шаманизмом и "Бессмертным полком": случай Алтая» был посвящен специфике алтайских интерпретаций акции, связанных с традициями алтайского шаманизма и отношения к мертвым. Согласно исследованию Доронина, между спускаемыми «сверху» коммеморативными и реализуемыми на Алтае поминальными практиками существует напряжение, в основе которого лежит принципиальное несоответствие

моральной универсалии и мифологических представлений алтайцев. Так, утверждал Доронин, в алтайской традиции присутствует четкое разделение мира живых и мира мертвых: умершие исключаются из мира живых, и их поминание, так же как и коммуникация спустя год после смерти, представляются алтайцам опасными; по этой же причине не распространено использование фотографий мертвых людей. Антрополог предположил, что участие алтайцев в акции при таком отношении к мертвым связано с желанием обозначить причастность собственной семьи и семейной памяти к памяти о войне; при этом «Бессмертный полк» становится объединяющей практикой, в которой сглаживаются напряженные отношения между теми, кто служил и кто избежал службы, выполняя тем самым функцию «социальной терапии».

Последний доклад Светланы Амосовой и Марии Вятчиной «9 Мая VS "еврейская Радуница": как изменяется традиция» рассмотрел проблематику интерпретации 9 Мая и акции «Бессмертный полк» еврейской общиной города Рославль Смоленской области. Проанализировав два поминальных дня еврейской традиции, исследовательницы пришли к выводу, что если раньше один из поминальных дней часто приходился на 9 Мая, то с появлением акции «Бессмертный полк» произошел сдвиг, и поминание происходит накануне Дня Победы. Согласно Амосовой и Вятчиной, такое смещение связано с желанием общины избежать необходимости совмещать городское поминание с локальным, внутриобщинным.

В ходе обсуждения Александра Архипова задала вопрос о том, почему жертвы Холокоста не включаются обыкновенно в поминание накануне 9 Мая. Отвечая на него, исследовательницы провели разграничение между общим поминанием и поминанием умерших не своей смертью — к последним, по-видимому, относя и поминальный день накануне Дня Победы. Александра Архипова высказала предположение, что в таком случае существует как минимум два типа смерти, описание которых было упущено в докладе.

Прошедшая конференция «День Победы как праздник и протест» продемонстрировала разнообразие форм и практик празднования, а также рассмотрела различные интерпретации самой моральной универсалии памяти о войне, существующие в России и других постсоветских странах. Представив, с одной стороны, работы, посвященные вернакулярным внеинституциональным практикам, а с другой — доклады, анализирующие политику памяти и ее реализации в локальных инициативах, конференция позволила сблизить два разнонаправленных вектора развития исследования памяти о Второй мировой войне. Результаты дискуссий дают возможность сделать некоторые выводы о тенденциях в функционировании коллективной памяти о войне. Наблюдается размывание официальной памяти о Второй мировой войне как приходом личной и семейной памяти в публичное поле, так и утверждением локальных вернакулярных форм коммеморации в противовес институциональным. Однако сами практики зачастую не вступают в противоречие с официальной повесткой политики памяти и могут быть аппроприированы ей. Вероятно, в исследованиях на границе вернакулярных практик и их аппроприаций и возможно плодотворное развитие исследовательских траекторий в изучении праздника 9 Мая.